

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ОБРАЗОВАНИЕ В 1917—1918 гг. НОВЫХ ГОСУДАРСТВ В ЕВРОПЕ

(К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

А. Я. Манусевич

Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции стали независимыми Финляндия, Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия. Вопрос о том, как соотносятся между собой социалистическая революция в России и появление новых независимых европейских государств, издавна привлекал внимание историков разных стран и различных мировоззрений. И сегодня по этому вопросу ведется острая идейно-политическая борьба. В этой борьбе между марксистско-ленинской и буржуазной историографиями центральное место занимает вопрос: существует ли причинная связь между Великой Октябрьской социалистической революцией и последовавшими за ней крушениями европейских империй и появлением на их месте ряда независимых государств? Признание или отрицание причинной обусловленности этих отношений заключает в себе признание или отрицание влияния Великого Октября на последовавшее вскоре же после него решение вопроса о национальной государственности финского, польского, чешского и ряда других европейских народов.

Совершенно понятно, что та или иная позиция в этом и смежных с ним вопросах имеет далеко не одно лишь научное значение. Она оказывает прямое и очень существенное влияние на формирование мировоззрения как населения стран, непосредственно затрагиваемых этой проблемой, так и на основные историко-политические представления широких общественных кругов во всем мире. Поэтому буржуазная историческая наука вела и ведет упорную борьбу не за то, чтобы раскрыть подлинный ход событий, действительный механизм обстоятельств, позволивших многим европейским народам освободиться от чужеземного господства, но за то, чтобы представить процесс становления и формирования их государственности если не прямо противоположным Великой Октябрьской социалистической революции и политике Советского правительства, то уж полностью от них обособленным. Со своей стороны, марксистско-ленинская историческая наука, рассматривая исторические явления в их взаимосвязи и развитии, неизменно видит именно в Октябрьской революции и в политике Советской власти решающую предпосылку и важнейшее условие освобождения в 1917—1918 гг. угнетенных народов Европы и всего последующего всемирного революционно-освободительного процесса.

Таким образом, 50-летие независимости Финляндии, Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии является в то же время и своеобразным, почти полувековым юбилеем борьбы двух концепций происхождения этой независимости. Если развитие марксистско-ленинской концепции шло

в направлении большей углубленности и доказательности ее положений, то буржуазная концепция, в целом обнаружив свою несостоятельность, пытается сохранить свои позиции с помощью ряда спекулятивных построений, подчиненных заранее заданным политическим схемам. Сложность международной обстановки последнего года первой мировой войны и расстановки классовых и партийных сил в европейских странах, шедших в 1917—1918 гг. к своей независимости, не столько служит буржуазной историографии предметом политического анализа, сколько используется для ненаучных разработок прикладного политического назначения. Следует подчеркнуть, что одним из проявлений несостоятельности буржуазной концепции явилось то, что объективно развивающееся понимание народными массами всемирно-исторического значения Октябрьской революции, углубившееся и расширившееся с победой СССР в Великой Отечественной войне и со все возрастающей международной ролью Советского Союза, и успехи марксистско-ленинской науки, в том числе в некоторых странах, где гонение на марксизм-ленинизм является нормой государственной политики, побудили даже отдельных буржуазных историков взглянуть с большим приближением к действительности на подлинное развитие процессов, приведших к тому, что на политической карте Европы в 1917—1918 гг. появились новые независимые государства. Однако и эти ученые, так или иначе пытающиеся преодолеть политическую предвзятость и ограниченность своих предшественников и коллег, остаются на почве буржуазной исторической науки. Как и ранее, в ней господствуют искусственные схемы, произвольный отбор фактов, фальшивая их интерпретация, спекуляция на политических иллюзиях, предрассудках и заблуждениях.

Но даже те представители современной буржуазной историографии, которые не пытаются отрицать существование связи между Октябрьской революцией и установлением независимости Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Финляндии, усматривают центр тяжести завоевания независимости этих стран в политике великих держав, участвовавших в первой мировой войне. Как в прошлом, так и в настоящем буржуазные историки в основном исходят из утверждения, будто создание новых государств в Европе — результат осуществления целенаправленной политики, проводившейся участниками первой мировой войны, особенно державами — победительницами в войне (в этой связи в разных работах подчеркивается роль той или другой из держав-победительниц, а в некоторых случаях даже роль кайзеровской Германии и императорско-королевской Австро-Венгрии)¹. Военные цели германского империализма, облеченные в планы создания «Срединной Европы», в работах некоторых историков выдаются за поиски путей к решению национального вопроса, путей, будто бы отвечавших интересам самих угнетенных

¹ Так, в межвоенный период в отдельных работах доказывалось, что начало независимости Польши относится к акту 5 ноября 1916 г., которым немецко-австрийские оккупанты обещали создать из части отобранных ими у царизма польских земель «независимое» польское государство. См. С. B e r e z o w s k i. Powstanie państwa Polskiego w świetle prawa narodów. Warszawa, 1934, s. 32; W. Lipiński. Walka zbrojna o niepodległość Polski. 1905—1918. Warszawa, 1935, s. 133. Исходным рубежом независимости Польши считает акт 1916 г. и современный западногерманский историк Ганс Роос, в целом осуждающий антипольскую политику германских правительств (H. R o o s. Geschichte der polnischen Nation. 1916—1960. Stuttgart, 1961). В работах некоторых западногерманских буржуазных историков, напротив, глубоко и убедительно раскрыты экспансионистские планы германского империализма в годы первой мировой войны, направленные на колонизацию в той или иной форме Польши, Финляндии, всей так называемой «Срединной Европы», балканских и других стран (см. F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands 1914—1918. Düsseldorf, 1961; J. Geiss. Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Lübeck—Hamburg, 1960, и др.). Нет ничего удивительного в том, что авторы этих исследований подвергаются ожесточенным нападкам со стороны апологетов германского экспансионизма.

народов². В течение всего межвоенного периода в работах буржуазных историков самих вновь образовавшихся государств неизменно провозглашалась роль западных правительств, преимущественно роль правительства США, в обретении их странами свободы и независимости. Даже в акте провозглашения Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятом 1 декабря 1918 г., утверждалось, что «начала народного самоуправления» (якобы восторжествовавшего с созданием Югославии) были возведены ее народам президентом США Вудро Вильсоном³. Положительную якобы роль США и Вильсона в судьбах стран Центральной и Юго-Восточной Европы неизменно подчеркивали видные идеологи и руководящие политические деятели этих стран. Западные державы, победив Центральный блок, завоевали нам нашу независимость, утверждал первый президент Чехословакии Т. Масарик. Соратник и преемник Масарика Э. Бенеш стоял на таких же позициях. Подобные взгляды развивали Р. Дмовский, М. Сейда и другие в Польше⁴.

В течение десятилетий утверждения о том, что западные страны принесли своей победой над Германией и Австро-Венгрией независимость новым государствам Европы, лежали в основе буржуазных трудов, посвященных итогам первой мировой войны и возникновению новых европейских государств. Эти утверждения пропагандировались, например, в книге Г. Темперля, в которой, в частности, восхвалялась позиция Англии, а также в работе В. Благоевича, в которой роль защитницы «принципа национальностей» приписывалась Франции⁵. В работах И. Блоцишевского, Э. Омана, М. де Во главные усилия направлены на то, чтобы изобразить защитницей интересов угнетенных народов Францию, а в работах Р. У. Ситона-Уотсона — Англию⁶. В буржуазной историографии рассматриваемого вопроса наиболее значителен удельный вес работ, отведенных прославлению Вильсона, воспеванию его как глашатая свободы, творца независимости Польши, Чехословакии, Югославии. Легенда о Вильсоне как об «апостоле мира», «друге» угнетенных народов нашла наиболее полное выражение в многоотомной его биографии, написанной Р. С. Бейкером, и многочисленных работах Ч. Сеймура, известного своим подтасованным изданием документов полковника Хауза. Вильсона как «пророка мира», основного поборника свободы угнетенных народов Европы рисует и А. Уолурт. «Как все американцы, Вильсон был преисполнен чувств в пользу малых народов», — утверждает А. Мориа. О том, что Соединенные Штаты, Вильсон «симпатизировали идее самоопределения народов», пишет преподаватель Иельского университета И. Ледерер. Миссия США в войне состояла в защите идеалов демократии и христианства, утверждении морали в международных отношениях, пытается доказать Х. Ноттер⁷. В боль-

² Историографический анализ таких работ см.: «Wschodnia ekspansja Niemiec w Europie Środkowej». Poznań. 1963; Y. Pajewski. «Mitteleuropa». Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań. 1959.

³ «Dokumenti o pastanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca, 1914—1918». Saobrać ih Ferdo šišić. Zagreb. 1920, s. 280—281.

⁴ Т. Г. Масарик. Мировая революция. Т. II. Прага. 1927, стр. 196; R. Dmowski. Polityka Polski i odbudowa państwa. Warszawa. 1926; M. Seyda. Polska na przełomie dziejów. T. I—II. Poznań. 1931; Ed. Beneš. Světová válka a naše revoluce. D. I—III. Praha. 1935.

⁵ H. Temperly (Ed.) History of the Peace Conference of Paris. Vol. I. L. 1920, p. 185; V. Blagoyevitch. Le principe des nationalités et son application dans les Traités de Paix de Versailles et de Saint-Germain. P., s. a.

⁶ J. Blociszewski. La restauration de la Pologne et la diplomatie européenne. P. 1927; E. Hauman. La formation de la Yougoslavie. P. 1930; M. de Vos. Histoire de la Yougoslavie. P. 1955; R. W. Seton-Watson. History of the Czechs and Slovaks. L. 1943; e jusd. Masaryk in England. Cambridge. 1943.

⁷ R. Beker. Woodrow Wilson: Life and Letters. Vol. I—VIII. N. Y. 1927—1939; Ch. Seymour. American Diplomacy during the World War. Baltimore. 1934; e jusd. American Neutrality, 1914—1917. New Haven. 1935; A. Wolworth. Woodrow Wilson.

шинстве своем апологеты империалистической политики, особенно наиболее лицемерного ее проявления — вильсонизма, изображают развитие событий таким образом, что о Великой Октябрьской социалистической революции либо совсем не упоминается, либо она присутствует как деструктивный, разрушительный фактор, якобы подрывающий устой цивилизации и порядка, создающий прямую угрозу осуществлению «освободительных» планов западных держав и их авангарда — США.

Для того чтобы в полной мере уяснить, по сути дела, иррациональный характер спекуляций буржуазной историографии вокруг вопроса о происхождении независимости государств Европы, возникших в 1917—1918 гг., следует иметь в виду, что до победы Великой Октябрьской социалистической революции ни одно из западных правительств никогда и ни в какой форме не выдвигало среди целей, преследуемых ими в войне, освобождение угнетенных народов. Западные союзники России обязались поддержать военные цели царизма в отношении всего того, что было связано с удержанием и расширением его власти над Польшей. В меморандуме об условиях мира английский министр иностранных дел Бальфур писал 4 октября 1916 г. о том, что после войны Польша останется составной частью России, причем «будет включать не только русскую Польшу, но также и ту ее часть, которую получили при разгроме старого королевства Пруссия (или по крайней мере одну из этих частей) и Австрия»⁸. Несколько позднее, в феврале 1917 г., в самый канун свержения самодержавия, французское и царское правительства договорились, что за поддержку Франции в вопросе об Эльзасе и Лотарингии Россия получит полную свободу действий в определении своих западных границ. Тем самым Франция обязалась поддержать Россию в осуществлении провозглашенного ею в августе 1914 г. плана объединения всех польских земель «под скипетром русского царя»⁹. Долгое время, не связывая себя какими-либо формальными обязательствами, предельно лицемерную политику проводили США. Первоначально они поощрительно отнеслись даже к германо-австрийскому акту от 5 ноября 1916 г. о создании «польского государства», зависящего от Центральных держав. А вслед за тем президент Вильсон в послании сенату от 22 января 1917 г. заявил, что Польша должна быть «единой, независимой и автономной»¹⁰. Неопределенность и двусмысленность этой позиции, нарочито в один ряд ставившей и «независимость» и «автономию», свидетельствуют о том, что Польша и ее интересы являлись для США лишь предметом политических спекуляций. Что касается чешских земель, Словакии и земель южных славян, то, за исключением предполагавшейся по Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. передачи части приадриатических славянских земель Италии¹¹, каких-либо иных серьезных территориальных перераспределений в этой части Европы западные державы не предусматривали. Во всяком случае, ни одно из возможных перераспределений не было продиктовано интересами и нуждами угнетенных народов.

Весьма показательно, что, вступив в апреле 1917 г. в войну на стороне держав Антанты, США до декабря 1917 г. вообще воздерживались

Boston. 1965; «Histoire parallèle». Т. III. André Maurois. Histoire des États-Unis de 1917 à 1961. P. 1962, p. 82; I. Lederer. Yugoslavia at the Paris Peace Conference. A Study in Frontiermaking. New Haven—London. 1963, pp. 25—26; H. Notter. The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson. N. Y. 1965.

⁸ См. Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары. Т. I—II. М. 1934, стр. 580.

⁹ «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917». М. 1952, стр. 457; «Русско-польские отношения в период мировой войны». М. 1926, стр. 155.

¹⁰ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». 1916. Suppl. The World War. Washington. 1929, p. 797; «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States». Suppl. I. Washington. 1955, pp. 6—8.

¹¹ См. «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917 гг.». Серия III. 1914—1917 гг. Т. VII, ч. 2. М.-Л. 1935, стр. 253—263.

от объявления войны Австро-Венгрии, а объявив последней войну, заявили, что не ставят своей целью раздробление империи. «Перед президентом Вильсоном,—признает Ч. Сеймур,—стояли две политические альтернативы. Он мог объявить Габсбургской монархии войну на смерть и обещать полное освобождение Чехословакии, полякам, южным славянам и румынам... Или он мог провозгласить право подвластных национальностей на «автономию», причем они должны были остаться своего рода федеральным союзом под короной Габсбургов... Президент выбрал вторую альтернативу». Даже после Октябрьской революции, в условиях наступившего раскола мира на две социальные системы, западные державы долгое время придерживались своих планов сохранения монархии Габсбургов. В вильсоновских «14 пунктах», провозглашенных 8 января 1918 г. с целью противопоставить ленинскому Декрету о мире широковещательную программу, способную прикрыть подлинные цели империалистов, речь не шла дальше того, что народам Австро-Венгрии «должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития»¹². Автономия, но не суверенитет, власть Габсбургов, но не свобода — такова была «освободительная» политика империалистов США в отношении угнетенных народов Австро-Венгрии. В ту же пору английский премьер-министр подтверждал, что «раздел Австро-Венгрии не является нашей военной целью»¹³. В своих секретных переговорах с Австро-Венгрией о разрыве ею союза с Германией Франция, подобно США и Англии, всегда исходила из безусловного признания целостности Дунайской монархии. Более того, как Франция, так и Англия готовы были пойти на «ассоциацию» Австро-Венгрии с Румынией и Сербией и на расширение территории Австро-Венгрии за счет так называемой русской Польши в том случае, если Дунайская монархия согласится порвать с Берлином и занять место России в качестве «противовеса» Германии¹⁴.

Правда, в январе 1918 г. и Ллойд-Джордж и Вильсон признали необходимость создания независимой Польши. Но при этом они выдвинули ряд оговорок, сразу же показавших, что вопрос о Польше служит для них не только предметом взаимных сделок, но и объектом торговли с Германией. Не интересами угнетенных народов, не целями их свободы и независимости руководствовались западные державы, а своими империалистическими расчетами. Именно эти расчеты побудили США и другие западные державы после Великого Октября поставить на службу своим интересам популярные требования содействия освобождению угнетенных народов Европы и тем самым в какой-то мере прикрыть подлинные цели своей политики, ослабить революционизирующее влияние политики Советского государства, связать с собой и поддержать буржуазные круги угнетенных европейских народов, а в случае их освобождения превратить их в своих младших партнеров и в прямое орудие своей контрреволюционной политики. «Революция 7 ноября 1917 г. полностью изменила отношение Антанты к России. Дипломаты Антанты повернулись к Польше как к замене России на Востоке и как к барьеру против большевизма», — откровенно пишет апологет вильсоновской политики в отношении Польши Г. Фишер. Реакционные польские и английские историки, опубликовавшие в 1941 г. книгу по истории Польши, пытались представить польскую политику западных держав лишь как борьбу за создание антигерманского барьера в Восточной Европе¹⁵.

¹² «Архив полковника Хауза». Т. III. М. 1939, стр. 33.

¹³ Д. Ллойд-Джордж. Указ. соч. Т. V. М. 1938, стр. 60.

¹⁴ Mermeix. Les négociations secrètes et les armistices. P. 1919; Prince Sixte de Bourbon. L'offre de paix séparée de l'Autriche. P. 1920; V. S. Mamatey. The United States and East-Central Europe 1914—1918. A Study in Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton. 1957, pp. 142, 151.

¹⁵ H. H. Fisher. America and the New Poland. N. Y. 1928, p. 111; «The Cambridge History of Poland». Cambridge. 1941, p. 486.

Один из лидеров Антанты, Ж. Клемансо, признал, что, вступая в войну, ее участники не имели никакой программы освобождения угнетенных народов; лишь после событий в России и после того, как угнетенные народы подняли голову, война «под давлением событий переросла в освободительную войну»¹⁶. Но то, что Клемансо называл «освободительной войной», было лишь новым прикрытием старой политики. Более того, эта политика, оставаясь глубоко враждебной интересам угнетенных народов, была рассчитана на то, чтобы, провоцируя их на освободительные выступления, не допускать в то же время их национального освобождения и быть готовым в любой момент предать это движение. Именно такого рода задачу выдвинула в декабре 1917 г. комиссия экспертов, работавших по поручению Вильсона при государственном департаменте США. Эта комиссия рекомендовала, в частности, «разжигать недовольство наций в Австро-Венгрии, но наряду с этим препятствовать далеко идущим последствиям, порождаемым этим недовольством и могущим привести к распаду Австро-Венгерской монархии»¹⁷.

Как далеки от этой неприглядной действительности широковетательные утверждения большинства представителей буржуазной историографии! Но, несмотря на несостоятельность своих утверждений, они продолжают во имя утилитарных политических целей в искаженном виде рисовать ход исторического процесса. Подобно профессору истории Флоридского университета В. Мэмэти, многие из них продолжают изображать Вильсона как «защитника малых народов и угнетенных национальностей». «Победа над Центральными державами — именно в этом заключается крупнейший вклад союзников в свободу народов Восточной и Центральной Европы»¹⁸. Безосновательность и фальшь построений Мэмэти, типичных для большинства буржуазных историков, поднимающих вопрос о свободе народов вопросом о победе западных держав в первой мировой войне, не выдерживают даже элементарной проверки в свете переломного значения Великой Октябрьской социалистической революции в судьбах всех угнетенных народов и конкретных актов борьбы Советского правительства за свободу и независимость Финляндии, Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии.

Одно из главных положений марксизма-ленинизма, определяющих политику пролетариата в национальном вопросе, состоит в признании за каждой нацией права на самоопределение. Признание этого права было внесено В. И. Лениным в 1902 г. в проект программы РСДРП, обосновано в ряде его работ и вошло в программу партии, принятую на III съезде в 1903 году¹⁹. В многочисленных статьях и докладах В. И. Ленин продолжал отстаивать и развивать политику пролетариата в национальном вопросе. В частности, в «Тезисах по национальному вопросу», положенных в основу рефератов, с которыми В. И. Ленин выступал в июле 1913 г., наряду с важными общими положениями отмечалось, что «во всей восточной Европе (Австрия и Балканы) и в Азии — т. е. в пограничных с Россией странах — либо не закончено либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведущее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств или государств с наиболее близким и взаимно-родственным национальным составом». Тут же В. И. Ленин отмечал,

¹⁶ G. Clemenceau. Grandeurs et misères d'une victoire. P. 1930, p. 160.

¹⁷ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference». Vol. I. Washington. 1942, p. 45.

¹⁸ V. S. Mamatey. Op. cit., p. 384.

¹⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 206; т. 7, стр. 233—242; «Второй съезд РСДРП. Протоколы». М. 1959, стр. 421.

что в России есть две нации «наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и «естественнее» всего могли бы осуществить свое право на отделение. Это — Финляндия и Польша». В плане к реферату по национальному вопросу В. И. Ленин дополнительно отмечает: «Австрия — «большой человек» после Турции. Искусственный характер Австрии...!»²⁰.

В первом же документе, опубликованном партией большевиков в связи с начавшейся в августе 1914 г. мировой войной, указывалось, что перед революционной социал-демократией стоит задача всесторонней пропаганды социалистической революции и пропаганды «как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. п.». В манифесте «Война и российская социал-демократия» ЦК партии большевиков указывал, что ближайшей политической задачей является революционное низвержение монархий германской, австрийской и русской. Решительно критикуя как одно из проявлений догматизма и сектантства в международном социалистическом движении, как карикатуру на марксизм выступления люксембургянцев и других левых социал-демократов, а также сторонников так называемого «империалистического экономизма» в российском революционном движении, отвергавших требования самоопределения наций ввиду того, что оно якобы неосуществимо при империализме, а при победе социализма — излишне, В. И. Ленин в работах, написанных в годы первой мировой войны, неизменно указывал, что даже в условиях империализма в Европе может происходить образование новых государств. При этом он отмечал, что ни одно крупное демократическое преобразование неосуществимо без ряда революций и непрочно без социализма. Среди новых государств, образование которых В. И. Ленин считал вполне осуществимым, он называл польское, венгерское, чешское и другие²¹.

Еще в октябре 1915 г., за полтора года до низвержения царизма, когда лишь одни большевики с непоколебимой стойкостью готовили революцию и верили в ее победу, В. И. Ленин писал: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов». Когда через два года Октябрьская революция поставила большевиков у власти, они первым же своим актом — Декретом о мире, принятым 26 октября (8 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов, провозгласили внешнеполитическую программу, предусматривающую справедливую, демократическую организацию взаимоотношений между народами на основе мира без аннексий и контрибуций. В декрете разъяснялось, что под аннексией, или захватом чужих земель, Советское правительство понимает «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация»²².

Впервые в истории человечества с победой Великой Октябрьской социалистической революции уже не просто революционный рабочий класс, а класс, поднявшийся до положения господствующего, выступил с правительственной, государственной программой перестройки международных отношений в интересах мира и дружбы между народами, в интересах их свободы и независимости. Советское правительство не

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 314, 315, 447.

²¹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 6, 21; т. 30, стр. 105.

²² В. И. Ленин. ПСС. Т. 27, стр. 50; т. 35, стр. 14.

только провозгласило великие демократические принципы отношений между народами, но начало упорную и тяжелую борьбу за то, чтобы международные отношения строились на основе этих принципов. Будущий мир, указывало Советское правительство в опубликованном 15 (28) ноября 1917 г. Обращении к правительствам и народам воюющих стран, «должен быть честным соглашением, обеспечивающим каждому народу свободу экономического и культурного развития». На первом же пленарном заседании мирной конференции в Брест-Литовске 9 (22) декабря 1917 г. представители Советского правительства выдвинули требование, чтобы национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, была гарантирована возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности²³. Советское правительство добивалось освобождения Сербии и Черногории, независимость которых была растоптана в 1915 г., и предоставления права самоопределения населению Чехии, Галиции, а также Познани и других польских земель, Боснии и Герцеговины, южнославянских областей, Трансильвании, Ирландии и других частей Европы, всем народам колоний. Советское правительство не питало иллюзий в отношении возможности побудить империалистов принять его программу мира. «Такой мир,— заявляло оно,— может быть заключен только при условии прямой и мужественной борьбы революционных рабочих масс против всяких империалистических планов и захватных стремлений». Оно неоднократно выражало надежды на поддержку трудящимися массами Европы советской политики демократического мира²⁴. Советское правительство в единоборстве против Германии и ее союзников отстаивало общие принципы свободы и независимости народов и право народов Польши и Чехии, Сербии и других земель самим решать свою судьбу. При конкретном соотношении сил, сложившемся в конце 1917—начале 1918 г., Советское правительство не смогло добиться большего, чем признания на словах Германией и другими Центральными державами провозглашенных им принципов новой, демократической организации отношений между народами. Выразив свое согласие с этими принципами, Германия тотчас же по открытии Брестских переговоров нагло продемонстрировала свое стремление попать их. Но сам факт того, что германские представители на конференции в Брест-Литовске оказались вынужденными вести переговоры на почве выдвинутых советской стороной принципов, явился событием огромного международного значения, наглядно показавшим, что победа Октябрьской революции прокладывает дорогу новой системе международных отношений.

Одним из реальнейших и ярчайших проявлений начала новой эры в международных отношениях явилась политика Советского правительства по отношению к Финляндии. В. И. Ленин, большевики в период борьбы против царизма, а затем и против Временного правительства неизменно отстаивали права народа Финляндии на свободу и независимость. Став у власти, большевики способствовали реализации народом Финляндии своего права на отделение и создание самостоятельного государства. Уже в ноябре 1917 г. Советское правительство заявило, что, хотя в Финляндии, которая остается пока буржуазной, устанавливается буржуазная республика, оно не сделает «ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа...». Когда спустя некоторое время финское буржуазное правительство обратилось к Совету Народных Комиссаров с просьбой о признании независимости Финляндии, Советское правительство незамедлительно вынесло решение «признать государственную независимость Фин-

²³ «Мирные переговоры в Брест-Литовске». Т. I. М. 1920, стр. 68.

²⁴ «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957, стр. 29, 41, 59, 61, 68—69.

ляндской республики». Вслед за тем это решение было утверждено ВЦИК, а 15 (28) января — III Всероссийским съездом Советов²⁵. В письме, направленном в декабре 1917 г. Совету Народных Комиссаров, правительство Финляндии, где у власти тогда стояли реакционные круги буржуазии, ненавидевшие Октябрьскую революцию, вынуждено было воздать должное великим принципам Советской власти и констатировать, что «освобождение русского народа принесло свободу также финскому народу...»²⁶. Это признание не помешало тому, что на протяжении многих десятилетий финские буржуазные историки, за весьма малым исключением, и западные буржуазные историки, занимавшиеся историей финского народа, в превратном свете излагали начало финляндской государственности, тот факт, что впервые в своей истории Финляндия обрела суверенитет прямо и непосредственно в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции²⁷.

50-летие независимости Финляндии и 50-летие рабочей революции в Финляндии, отмечавшиеся в январе 1968 г., уже в канун годовщины памятных событий породили значительный поток исторической литературы, с разных позиций возвращающейся к оценке 1917—1918 годов. Оказалось, что в буржуазной историографии еще весьма живучи различного рода фальшивые антиисторические построения. Их своеобразной разновидностью стали работы, подобные книге Ю. Паасивирта, в которой в полном отрыве от хода событий не только не раскрывается роль Великой Октябрьской социалистической революции в решении финляндского вопроса, но вообще обходятся молчанием акты Советского правительства в отношении Финляндии, факт поездки в Петроград и приема В. И. Лениным финляндской правительственной делегации и т. п.²⁸. В отличие от подобного рода литературы все больший вес приобретают работы, в которых хотя и не раскрывается полностью значение Октябрьской революции для судеб финского народа, но констатируется благоприятное отношение Советского правительства к вопросу о независимости Финляндии²⁹. Правда истории, раскрываемая в работах финляндских марксистов³⁰, завоевывает все более прочные позиции в исторической науке в Финляндии и — что особенно важно — в миропонимании широких масс народа Финляндии, выражением чему служат многочисленные выступления президента У. Кекконена и ряда других государственных деятелей страны³¹.

Огромное международное значение актов Советского правительства по вопросу о Финляндии состоит в том, что они явились первым, полным и исчерпывающим практическим применением великих принципов отношений между большими и малыми народами, провозглашенных Великой Октябрьской социалистической революцией. Политика Советского правительства в отношении Финляндии положила начало новым международным отношениям, построенным на основе добровольного призна-

²⁵ «Внешняя политика СССР. Сборник документов». Т. I. М. 1944, стр. 27, 71, 93—94.

²⁶ «Международная жизнь», 1957, № 9, стр. 56.

²⁷ См. В. М. Холодковский. Революция в Финляндии и германская интервенция. М. 1967, стр. 16—41, а также J. de Pange. L'Allemagne depuis la Révolution française. 1789—1945. P. 1945, p. 222; C. J. Smith. Finland and the Russian Revolution. 1917—1922. Athens /USA/. 1958.

²⁸ J. Paasivirta. The Victors in World War I and Finland. Finland's Relations with the British, French and United States Governments in 1918—1919. Helsinki. 1965.

²⁹ См., например, J. Numminen. Finland's Foreign Policy as an Autonomous Grand Duchy and the Winning of Independence. «Finnish Foreign Policy. Studies in Foreign Politics». Helsinki. 1963, pp. 31—32.

³⁰ Э. Саломаа. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение Финляндии. М. 1967; Т. Lehen. Punaisten ja valkaisten sata. Helsinki. 1967.

³¹ У. К. Кекконен. Финляндия и Советский Союз. М. 1963; его же. Дружба и добрососедство. М. 1968; «Линия Паасикиви». М. 1958, и др.

ния прав всех народов на свободное самоопределение. Фактическое применение этой новой нормы в международном праве, признание которой другими державами затянулось на десятилетия, было прямым и непосредственным результатом Октябрьской революции и внесения ею в жизнь новых, последовательно демократических и социалистических принципов. Понятно, что в свете действительного развития событий с особой убедительностью раскрывается несостоятельность работ тех буржуазных историков, которые при различной оценке отдельных действий Советского правительства сходятся на том, что в Декрете о мире видят пропагандистский документ, считают, что он якобы не оказал практического воздействия на развитие международных отношений, на освобождение угнетенных народов Европы³².

Советское правительство делало все возможное для того, чтобы проложить дорогу к свободе и независимости всех народов. Издавна установившаяся взаимозависимость дела борьбы за социальное и национальное освобождение народов России и Польши нашла свое выражение в чеканной ленинской формуле: «Свобода Польши невозможна без свободы России». В знаменитых «Письмах из далека», написанных в Швейцарии вскоре после получения известий о свержении самодержавия, В. И. Ленин не один раз обращался к вопросу о Польше. Он писал, в частности, что буржуазно-помещичье Временное правительство хочет «отвоевать назад у немцев Польшу, которую всегда так бесчеловечно и бесстыдно угнетал царизм». Программа мира, выдвигаемая большевиками, продолжал он, предусматривает «освобождение всех зависимых угнетенных и неполюправных народов»³³. Предложив тотчас же после Октябрьской революции всем воюющим странам начать немедленные переговоры о перемирии, Советское правительство одним из условий мира выдвинуло требование вывода оккупационных войск с территории так называемой русской Польши, гарантируя ей право на самоопределение³⁴. Главным В. И. Ленин считал заключение мира на основе принципа «без аннексий и контрибуций», поясняя, что аннексией «объявляется всякая территория, население которой в течение последних десятилетий... выражало недовольство присоединением ее территории к другому государству, или ее положением в государстве...»³⁵. Таким образом, в конкретных условиях переговоров в Брест-Литовске применительно к Польше речь шла не только о захваченных австро-германскими войсками в ходе войны польских территориях, но о всех польских землях — Познаньщине, Силезии, Поморье и других, в разное время попавших под прусское либо австрийское иго. Газета «Известия» 10 (23) декабря 1917 г. в редакционной статье «Судьбы Польши» поясняла, что только Советское правительство отстаивает независимость Польши, которая «должна включать в себя все части бывшего Польского государства, где преобладает польское население, и быть страной глубоко демократической».

Следует отметить, что столь последовательной и всеобъемлющей программы разрешения польского вопроса, какую выдвигало Советское правительство, не ставила ни одна польская партия и организация. Советское правительство, ведя неравную борьбу с Германией и ее союзниками, стремилось привлечь к мирным переговорам западные державы. Но страны Антанты и США не только не желали поддержать советские усилия, но и договаривались между собой о разделении России на «сфе-

³² См. L. Fisher. The Soviets in World Affairs. L. 1930; J. W. Wheeler-Bennett. Brest-Litowsk. The Forgotten Peace. March 1918. L. 1938; R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham. 1954; A. G. Meyer. Leninism. Cambridge. 1957; D. F. Fleming. The Gold War and its Origins, 1917—1960. Vol. I. N. Y. 1961.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 269; т. 31, стр. 52, 53.

³⁴ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Т. I. М. 1957, стр. 168—169, 181.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 35, стр. 121.

ры действий»³⁶. В отношении Польши их политика состояла в том, чтобы воспользоваться ею «как разменной монетой по своим счетам с Германией... Здесь по существу молчаливое соглашение,— писала «Правда» 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.),— суть которого в том, чтобы предоставить Германии распрячь Польшу...». Советское правительство предприняло еще одно большого, принципиального значения действие — включило в состав советской делегации на мирных переговорах представителей трудящихся масс Польши. По требованию советской стороны 25 января (7 февраля) 1918 г. на конференции в Брест-Литовске было представлено слово представителю польского народа, деятелю польской социал-демократии Станиславу Бобиньскому. Так впервые со времени разделов и ликвидации Польши голос Польши — более того, впервые в истории голос трудящихся масс Польши — прозвучал на международной дипломатической конференции. В обстоятельной декларации, оглашенной Бобиньским, обосновывались требования уничтожения национального гнета на польских землях, устранения перегородок между австрийской, прусской и бывшей русской частями одной страны, предоставления польскому народу возможности свободно устраивать свою жизнь, а также требование восстановления разрушенных областей Польши на средства международного фонда, составленного путем обложения имущих классов всех воюющих стран, и т. д.³⁷ Каждый пункт программы, выдвинутой на конференции в Брест-Литовске от имени трудящихся масс Польши, был проникнут глубоким патриотизмом, демократизмом и интернационализмом.

В условиях борьбы с германским империализмом Советское правительство не смогло во время переговоров в Брест-Литовске добиться принятия своих справедливых требований, в частности по вопросу о Польше. Но вскоре, нанеся удар по тяжелому и унижительному Брестскому мирному договору, навязанному германским империализмом, Советское правительство декретом от 29 августа 1918 г. провозгласило, что все договоры и акты, «заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство,—отменяются настоящим бесповоротно»³⁸. Подписанный главой Советского правительства В. И. Лениным, этот декрет подводил прочную правовую базу под грядущее воссоздание Польского государства. Логически завершая свою политику борьбы за воссоздание независимой и демократической Польши, Советское правительство еще в конце октября 1918 г., то есть до того, как наступил крах германской и австрийской оккупации Польши и Польша фактически стала независимой, уже назначило своего дипломатического представителя в восстанавливавшую свой суверенитет Польшу. Заслуживает быть отмеченным, что этим представителем был назначен выдающийся деятель польского рабочего движения Юлиан Мархлевский. В связи с этим Народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин выражал надежду, что назначение советским представителем в Польшу одним из самых видных вождей польского рабочего класса «будет народными массами Польши принято как доказательство не только отсутствия со стороны Советской России каких-либо враждебных намерений по отношению к национальной свободе Польши, но и полной солидарности Советского правительства со стремлением народных масс Польши к социальному освобождению»³⁹.

³⁶ У. Черчилль. Мировой кризис. М.-Л. 1932, стр. 105.

³⁷ «Мирные переговоры в Брест-Литовске». Т. I, стр. 171—175.

³⁸ «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 460.

³⁹ «Известия ВЦИК», 29. X. 1918.

Другое дело, что как в Польше, так и в остальных новых государствах Европы стремление народных масс добиться не только национального, но и социального освобождения не увенчалось успехом. В Финляндии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Югославии в силу ряда особенностей внутреннего развития руководящая роль в национально-освободительном движении продолжала сохраняться за буржуазией и за буржуазными политическими партиями. Стремясь упрочить свое положение и использовать народное революционно-освободительное движение в своих целях, национальная буржуазия угнетенных европейских стран в то же время вела упорную борьбу как против последовательно революционных сил своих народов, так и против очага и базы мирового революционного движения — Октябрьской революции и созданного ею Советского государства. Наиболее полно антисоветская политика буржуазии угнетенных европейских стран проявилась в мятеже в январе 1918 г. находившегося на территории Белоруссии I польского корпуса и в мятеже, поднятом в мае 1918 г. в Поволжье и в Сибири чехословацким корпусом. Однако это не меняет того, внешне как бы парадоксального обстоятельства, что вне зависимости от своей антисоветской позиции господствующие классы угнетенных европейских стран использовали для освобождения от австро-венгерского и германского господства объективные условия, созданные именно Октябрьской революцией. Советское правительство, справедливо усматривая в установлении независимости новых европейских стран выдающееся завоевание их народов, ставшее возможным лишь благодаря Октябрьской революции, неизменно стремилось к установлению с вновь складывавшимися государствами дружеских отношений. В частности, уже 31 октября 1918 г., через три дня после того, как Чехословакия стала самостоятельной, Советское правительство выразило готовность войти в непосредственные переговоры с чехословацким правительством. В воззвании к находившимся в России солдатам чехословацкой армии ВЦИК уведомлял их о победе революции в Австро-Венгрии и создании на развалинах монархии Габсбургов ряда независимых государств⁴⁰.

В связи с победой революции в различных частях бывшей Габсбургской монархии в советской печати было опубликовано воззвание, подписанное от имени Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным, а от имени ВЦИК — Я. М. Свердловым. Приветствуя австрийских, чешских, хорватских, венгерских, словенских и других трудящихся бывшей Австро-Венгрии с уничтожением имперской бюрократии, с ликвидацией национального гнета, авторы воззвания выражали надежду, что рабочие, солдаты и крестьяне довершат дело национального освобождения, заключат братский союз свободных народов, объединенными силами победят капиталистов и станут рядом с борющейся Россией на путь международной пролетарской революции⁴¹. Но лишь в Венгрии и в Словакии буржуазно-демократические (национально-демократические) революции на короткий срок переросли в революции социалистические⁴².

Образование независимой Финляндии, воссоздание независимой Польши, возникновение Чехословакии и Югославии, установление независимости Венгрии, а также Австрии, несмотря на то, что социальные стремления трудящихся масс этих стран не нашли своего разрешения, явилось выдающимся историческим завоеванием их народов, завершившим длительный процесс революционно-освободительной борьбы. Эта борьба принесла свои плоды только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря совершен-

⁴⁰ «Документы внешней политики СССР». Т. I, стр. 547—548, 550.

⁴¹ «Известия ВЦИК», 3.XI. 1918.

⁴² См. «1919 год в Венгрии», М. 1959; М. Ф. Лебов. Венгерская Советская Республика 1919 года. М. 1959; Бела Кун. О Венгерской Советской Республике. М. 1966.

ному ею расколу мира на две системы, благодаря созданному ею новому соотношению сил реакции и сил прогресса, благодаря тому, что она открыла собой новую историческую эпоху, благодаря потрясающему и молниеносному воздействию на народы мира принципов международных отношений, провозглашенных Советским правительством и подкрепленных всей практикой его международной деятельности.

Приближаясь к пониманию влияния Великой Октябрьской социалистической революции на политику западных держав в отношении малых и зависимых народов Европы, отдельные буржуазные историки расстались с вильсоновской легендой и подобными ей историческими мифами. В «14 пунктах» и связанных с ними декларациях они увидели вынужденные акции западных правительств, пытавшихся парировать воздействие ленинской внешней политики Советского правительства. Так, в 1957 г. Американская историческая ассоциация на своей ежегодной конференции провела дискуссию на тему «Вильсон, Ленин и освобождение Восточной Европы». И хотя многие участники дискуссии продолжали утверждать, что США выдвинули в годы первой мировой войны программу создания в Европе новых независимых государств⁴³, сама необходимость такой дискуссии явилась одним из свидетельств происходящих под влиянием марксистско-ленинской исторической науки сдвигов во взглядах отдельных представителей буржуазной исторической науки.

Вместе с тем многие из тех, кто убедился в несостоятельности концепций вильсоновцев, не отказываются от них, а пытаются лишь видоизменить их, оснастить новой аргументацией. Характерной в этом отношении является попытка преподавателя истории Гарвардского университета А. Мейера «сблизить» показатель вильсоновский либерализм с великими ленинскими принципами внешней политики Советского государства. Согласно Мейеру, Вильсон и Ленин предложили «схожие идеологии в области внешней политики, хотя и для различных целей». По утверждению Мейера, взаимодействие этих двух идеологий породило новую дипломатию и привело к созданию Европы, в которой в 1918 г. появились новые государства, народы которых освободились от чужеземного господства. В какой-то мере подобные же взгляды развивает английский историк А. Тейлор, считающий, что в 1917 г. «два утописта, Вильсон и Ленин, подготовляли преобразование старого порядка»⁴⁴.

Несомненный интерес представляет эволюция взглядов известного американского «советолога» Джорджа Кеннана. Еще лет десять назад Кеннан без всяких оговорок утверждал, что именно США, Вильсон были защитниками угнетенных народов и что чуть ли не Вильсон вдохновил Советское правительство на выступление с демократической программой мира. «В действительности Вильсон во многом определил Декрет о мире», — без тени смущения утверждал он. Позднее ему пришлось признать, что именно Октябрьская революция побудила Вильсона выдвинуть новую программу целей войны. Как писал в 1960 г. Кеннан, Вильсон «надеялся, что сформулированная и опубликованная союзными правительствами более либеральная и вдохновляющая концепция целей войны будет служить тому, чтобы еще раз встряхнуть Россию и связать ее с делом союзников, вне зависимости от того, будет ли она находиться под властью Советов или другого правительства. Знаменитая вильсоновская речь от 8 января 1918 г., содержащая «14 пунктов», была по-

⁴³ «The American Historical Review», April 1958, p. 825.

⁴⁴ A. J. Mayer. Political Origins of the New Diplomacy. 1917—1918. New Haven. 1959, p. 35; A. J. P. Taylor. From Sarajevo to Potsdam. L. 1966, p. 45.

пыткой осуществить эту надежду». Таким образом, Кеннану пришлось хоть и в замаскированном виде признать, что «14 пунктов» были производным и вынужденным ответом на Октябрьскую революцию. Позднее, в статье, опубликованной в связи с 50-летием Октябрьской революции, он признал, что «в силу того огромного влияния, которое она оказала на обширные территории земного шара, в результате изменений, которые она вызвала во взаимоотношениях России с великими державами Запада, и в силу перемен, которые она внесла в жизнь одной из величайших наций мира», Октябрьская революция явилась крупнейшим политическим событием столетия. «Никто не может осознать значение русской революции,— отмечал он в той же статье,— пока не вспомнит о громадном энтузиазме, который это событие вызвало у огромной части общественного мнения...»⁴⁵. Но, признавая международное влияние Октябрьской революции, Кеннан вместе с тем пытается умалить историческое значение революции и ее роль в получении свободы и независимости угнетенными народами Европы.

Некоторые буржуазные историки видят в «14 пунктах» своего рода косвенный и производный от революции акт, вызванный стремлением прикрыть подлинные цели войны и упрочить позиции империализма. «Опубликование большевиками возбуждающей декларации от 8 ноября в пользу мира нового типа, основывающегося на отказе от завоеваний и уважении желаний народов управлять самими собой,— пишет французский историк Ж.-Б. Дюрозель,— дало толчок разработке планов, вылившихся в «14 пунктов». Вместе с тем Дюрозель и его старший коллега П. Ренувэн искажают ход событий, когда утверждают, что Компьенское перемирие «открыло дорогу к успеху возрождения наций, опирающихся на «14 пунктов» президента Вильсона»⁴⁶. Ко времени заключения перемирия, как известно, распад монархии Габсбургов и образование новых государств являлись уже неоспоримым фактом, имевшим место вне рамок «14 пунктов» и независимо от них.

Переломную роль Великой Октябрьской социалистической революции в истории всего человечества и ее значение для решения национального вопроса в Европе признают многие крупные буржуазные ученые, занимающиеся большими проблемами всемирной истории. Анализируя процессы развития человечества на протяжении целых веков, некоторые из них присоединяются к выводу, что Октябрьская революция открыла новую эру истории. О том, что все последующие за Октябрьской революцией события, в том числе и появление новых государств в Европе, тесно связаны с революционизирующим воздействием на народы всего мира политики Советской России, говорится в большом обобщающем труде, подготовленном под руководством французского историка М. Крузе. То, что революция, коммунизм изменили направление истории всего человечества, признает и стоящий на позициях антикоммунизма Ж. Дюше⁴⁷. Многие буржуазные историки, специализирующиеся в области истории Октябрьской революции, также останавливаются на ее значении для судеб народов мира. Английский исследователь Э. Карр указывает, хотя и с рядом оговорок, на то, что развитие всей послереволюционной обстановки, решение острых вопросов

⁴⁵ G. Kennan. *Russia Leaves the War*. Princeton. 1956, p. 142; e jus d. *Soviet Foreign Policy*. Toronto—New York—London, 1960, p. 17; e jus d. *The Russian Revolution. Fifty Years After. Its Nature and Consequences*. «Foreign Affairs», October 1967, vol. 46, pp. 9—10.

⁴⁶ J.-B. Duroselle. *From Wilson to Roosevelt. Foreign Policy of the United States. 1913—1945*. Cambridge (Mass.). 1963, p. 76; P. Renouvin, J.-B. Duroselle. *Introduction à l'histoire des relations internationales*. P. 1964, p. 177.

⁴⁷ P. Renouvin. *Les crises du XX siècle*. Vol. I. De 1914 à 1929. P. 1957; «*Histoire générale des civilisation*», publ. sous la dir. de M. Crouzet. T. II. P. 1957, pp. 218—219; J. Duché. *Histoire du monde. Le grand tourment*. Vol. IV, 2-me pt. P. 1966, p. 61.

современности проходили в Европе под несомненным влиянием Декрета о мире, провозгласившего принципы свободы и независимости всех народов. Те же положения содержатся в работах американца Ф. Шумана и некоторых других. В работах отдельных буржуазных историков, посвященных образованию в Европе в 1917—1918 гг. новых государств, также находит признание факт влияния Великого Октября и политики Советского правительства на распад монархии Габсбургов и образование независимых государств (Чехословакии, Польши и других стран). «Большевистская революция открыла собой период интенсивных социальных потрясений в монархии», — пишет английский историк А. Зимэн. Весьма интересно его же замечание о том, что выдвинутый большевиками тезис о праве наций на самоопределение «встретил на половине пути требования радикального национализма в Австро-Венгрии». Радикальный национализм, под которым Зимэн подразумевает разворачивавшееся под руководством буржуазии национально-освободительное движение угнетенных народов Габсбургской монархии, действительно получил в результате Октябрьской революции мощный толчок и объективно обрел могущественного союзника. Влияние революции и связанный с нею рост освободительного движения побудили, пишет Р. Кэнн, как правящие круги Австро-Венгрии, так и западных союзников искать спасения монархии в ее федеративном переустройстве. «Такие попытки имели целью задержать развитие мощной социальной революции в этой зоне — революции, возбужденной и подстегнутой большевистской Россией». Но у правящих кругов монархии не оказалось ни политических, ни социальных, ни психологических ресурсов к ее перестройке, а у западных стран не осталось иной возможности, как примириться с развалом Австро-Венгрии. Развал Австро-Венгрии, якобы последовавшую затем дезинтеграцию Европы западные державы рассчитывали, по справедливому суждению Ж. Дроза, Ж.-Б. Дюрозелля и ряда других историков, использовать для формирования антисоветского «санитарного кордона»⁴⁸.

Несмотря на полупризнания значения Великой Октябрьской социалистической революции во всемирной истории и в появлении в 1917—1918 гг. новых государств в Европе, характерные для отдельных представителей буржуазной историографии, последняя тем не менее не смогла создать научно достоверную, объективную картину формирования независимости Финляндии, Польши и других стран. В лучшем для нее случае она признает прогрессивное и существенное значение влияния принципов Октябрьской революции на воссоздание независимости угнетенных европейских народов. Но и при скептическом отношении к вильсонизму и роли всех западных держав даже те из буржуазных историков, кто пытается вскрыть механизм событий 1917—1918 гг., связанных с появлением новых государств в Европе, оказались не в состоянии преодолеть ограниченное восприятие Октябрьской революции и показать взаимодействие всех социальных и политических факторов, обеспечивших утверждение независимости Польши, Югославии, Чехословакии, Венгрии и Финляндии.

Только марксистско-ленинская историография, основываясь на всестороннем изучении фактов и их подлинно объективном анализе, смогла установить научно достоверную картину развития социально-экономических, политических, идеологических и культурных процессов и изменений

⁴⁸ E. H. Carr. The Bolshevik Revolution. 1917—1927. Vol. III. L. 1953; F. L. Schuman. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N. Y. 1957; e. j. s. d. Soviet Politics at Home and Abroad. N. Y. 1946; Z. A. B. Zeman. The Break-up of the Habsburg Empire. 1914—1918. A Study in National and Social Revolution. L. 1961, pp. 145, 146; R. A. K. Ann. The Habsburg Empire. A Study in Integration and Disintegration. N. Y. 1957, pp. 166—167; J. Droz. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de «Mitteleuropa». P. 1960; J.-B. Duroselle. L'idée d'Europe dans l'histoire. P. 1965.

в международной обстановке и в соотношении сил революционного пролетариата и империализма, которые привели к образованию в 1917—1918 гг. ряда новых европейских государств. При анализе этих событий историки-марксисты исходят из того, что Великая Октябрьская социалистическая революция, политика Советской власти оказали немедленное и огромное воздействие на усиление международного революционного движения. Большой размах приобрело революционно-освободительное движение угнетенных народов Австро-Венгрии. Военное истощение центральных держав ускорило революционные процессы, вызревшие в Германской и Австро-Венгерской монархиях. Монархия Габсбургов, говорил В. И. Ленин в ноябре 1918 г., вся горит, пролетариат «поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии»⁴⁹. Почти одновременно рухнула и империя Гогенцоллернов. Ни силы внутренней реакции в обеих монархиях, ни политика держав-победительниц не смогли предотвратить низвержения обеих монархий, с крушением которых на карте Европы появились новые государства — чехословацкое, польское, югославское и другие. Великий Октябрь явился решающей предпосылкой и главным условием образования после первой мировой войны новых государств Европы. Создание новых независимых государств было результатом длительной революционно-освободительной борьбы угнетенных народов, но эта борьба смогла принести свои плоды лишь благодаря победе Октября, покончившего с реакционными классами в России, подточившего политические устои существования немецких империй, создавшего базу мирового освободительного движения, повернувшего угнетенных и эксплуатируемых от решения частных задач к борьбе за свободу и политическую власть.

Все эти вопросы, разрабатывавшиеся многими советскими историками в течение нескольких десятилетий, получили более или менее полное отражение в ряде обобщающих трудов и исследований. В отношении Финляндии речь может идти о ранее названной работе В. М. Холодковского, а также о книгах И. И. Сюкияйнена и других, в отношении Венгрии — об очерках ее истории в новое и новейшее время и других книгах, а в отношении зарубежных славянских стран тема с наибольшей полнотой раскрыта в ряде сборников и коллективных монографий⁵⁰. В трудах советских историков устанавливается, что соотношение классовых сил внутри Финляндии, Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии и помощь, оказанная реакционным классам этих стран империалистическими державами, привели к тому, что власть в этих государствах осталась после установления их независимости в руках эксплуататорских классов. Ее сумели закрепить за собой реакционные круги, которые не только не симпатизировали Октябрьской революции и Советской власти, но были им прямо и открыто враждебны. Однако это не меняет того обстоятельства, что вне зависимости от своей глубоко антисоветской позиции и финские, и польские, и чехословацкие, и югославские, и венгерские господствующие классы использовали объективные условия, созданные именно Октябрьской революцией, осуществленный ею прорыв империализма, раскол мира на две системы, изменение в соотношении революционных и контрреволюционных сил в международном масштабе. При этом, однако, нельзя упускать из виду, что ни в одной из обретших независимость европейских стран в пору решающей борьбы за направление их развития не оказалось революци-

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 151, 152.

⁵⁰ И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск. 1962; «Очерки новой и новейшей истории Венгрии». М. 1963; «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М. 1957; «История Польши». Т. III. М. 1958; «История Чехословакии». Т. III. М. 1960; «История Югославии». Т. II. М. 1963; Е. И. Рубинштейн. Крушение Австро-Венгрии (1914—1918 гг.). М. 1963; Я. Б. Шмерваль. Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М. 1967; и др.

онной партии, подобной партии большевиков, а преобладающее влияние на большинство рабочего класса сохраняли правосоциалистические партии. Образование Коммунистической партии Финляндии произошло 29 августа 1918 г.—спустя 8 месяцев после установления независимости страны и после поражения рабочей революции; Коммунистическая партия Венгрии возникла 20 ноября 1918 г., то есть уже после распада монархии и победы буржуазно-демократической революции в стране; образование Коммунистической партии Польши произошло 16 декабря 1918 г., спустя полтора месяца после того, как Польша стала независимой. Лишь в мае 1919 г. тесняки преобразовались в Болгарскую коммунистическую партию. А в Югославии и Чехословакии коммунистические партии возникли соответственно в апреле 1919 г. и в мае 1921 года.

Научная концепция причинной связи между Октябрьской революцией и образованием в 1917—1918 гг. новых государств в Европе в зарубежной историографии межвоенного двадцатилетия не могла получить широкого освещения. Объясняется это тем, что за границами Советского Союза марксистская мысль постоянно и повсеместно подавлялась. Однако, несмотря на террор правивших классов, в партийной печати и в устной агитации и пропаганде коммунисты соответствующих стран неизменно несли в массы слова правды о великой роли Октября в судьбах их народов, в судьбах всего человечества. Только после победы Советского Союза в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии и установления народной власти в Югославии, Польше, Чехословакии, Венгрии возникли условия для подлинно научного изучения в этих странах роли Октябрьской революции в истории народов, воссоздавших в 1917—1918 гг. свою государственность.

Помимо исследований конкретной стороны проблемы, в ряде европейских социалистических стран появились историографические и аналитические работы, раскрывающие переломное значение Октября для борьбы европейских народов против национального гнета, за свободу и независимость. Обоснованию позиций марксистско-ленинской исторической науки в вопросах происхождения независимости европейских стран, значению Октябрьской революции для утверждения их государственности и раскрытию подлинного отношения западных держав к установлению суверенитета этих стран весьма способствовали обстоятельные публикации, предпринятые за последние годы. Эти публикации явились предметом анализа в советской литературе⁵¹.

Констатируя несомненные достижения марксистско-ленинской исторической науки братских европейских социалистических стран в освещении ею вопросов значения Октябрьской революции и ее непосредственного влияния на судьбы народов, нельзя не заметить, что в работах некоторых историков выдвигаются и весьма спорные, а в отдельных случаях и просто ошибочные положения. Так, в некоторых работах, авторы которых, несомненно, исходят из признания всемирно-исторического значения Октябрьской революции, самый процесс событий, приведший к обретению в 1917—1918 гг. независимости рядом европейских стран, выглядит лишь как бы синхронным с Октябрьской революцией или идущим вслед за ней, но не обусловленным ею. В чехословацкой печати, например, отмечалось, что отдельные историки склонны перелом в создании предпосылок к решению национального вопроса в дунайских и сопредельных странах переместить с Великой Октябрьской социалистической революции на Февральскую революцию, что эти историки считают неоспоримым лишь косвенное влияние Октября на положение дел в Центральной Европе и даже полагают, что для истории народов Габсбургской монархии нельзя отделять роль Октябрьской революции

⁵¹ См. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М. 1961; А. Я. Манусевич. Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии. «Исторические связи славянских народов». М. 1963, и др.

от роли Февральской революции. Говоря о преодолении различных историографических «деформаций», они предлагают «отказаться от переоценки» роли идеологии и относиться к историческим событиям, приведшим к возникновению Чехословакии, как к естественноисторическому процессу⁵². От давно преодоленных упрощенных, исключительно нигилистических оценок деятельности Т. Масарика и других буржуазных лидеров стал заметен переход к такому изложению событий, которое навязывает представление о том, будто масариковская политическая программа и тактика в годы первой мировой войны, а особенно после Октябрьской революции, когда чехословацкий корпус в России оказался в авангарде антисоветской вооруженной интервенции, оправдали себя, так как способствовали образованию независимого и сравнительно демократического Чехословацкого государства, якобы явились единственным «путем к свободе» чешского и словацкого народов⁵³. Вне рамок реальной действительности, как борец за отвлеченные идеалы демократии, не имеющие ничего общего с представлениями буржуа или мелкого собственника, выведен Масарик в новой посвященной ему работе. Автор книги практически отождествляет Масарика с самой идеей чехословацкой государственности⁵⁴.

Далекими от серьезного научного анализа оказались и позиции ряда участников дискуссии, имевшей место среди польских историков в связи с обсуждением вопросов возникновения и развития межвоенного Польского государства. Сетования на то, что якобы «не существует дефиниции государства, которая принимала бы во внимание опыт, приобретенный в XX в.», сочетались с упреками в преувеличении роли государства как инструмента классовой политики и недооценке осуществлявшейся им функции национальной интеграции, с утверждениями, что «концепция государства, выступающего в качестве ночного сторожа, давно отошла в прошлое». Под видом преодоления стереотипов были подвергнуты ревизии многие положения марксизма-ленинизма и даже извлечено из прошлого хвастливое утверждение деятелей реформистской и националистической Польской социалистической партии, будто воссоздание в 1918 г. независимости Польши явилось исторической победой политической концепции этой партии⁵⁵.

Таким образом, в ряде случаев рассмотрение основных и решающих факторов воссоздания польской, чехословацкой государственности оказывается подмененным констатацией непосредственных политических последствий этого воссоздания, успеха тех социальных и политических сил, которым удалось на какой-то срок (короткий или более длительный) использовать выдающиеся завоевания своих народов, ставшие возможными лишь в связи и в ходе развития мирового революционного процесса, открытого Великим Октябрем. Сам этот успех национальных буржуазных и правосоциалистических течений и партий, оказавшихся в 1917—1918 гг. у власти в Финляндии, Чехословакии, Польше, Венгрии и Югославии, явился результатом конкретного соотношения внутренних и международных сил. В избавлении от чужеземного ига и в появлении у власти национальных партий и групп народные массы всех этих стран по справедливости видели свое большое историческое завоевание. В политическом отношении народные массы большинства вновь образовавшихся государств не были еще в достаточной мере дифференцированными. Оппортунизм правых социал-демократических лидеров, тесно сотрудничавших с буржуазией, способствовал тому, что в период

⁵² См. J. Křížek. Ke studiu československých vojenkých dějin (1914—1918). «Historie a vojenství», 1967, № 6, S. 1051—1056.

⁵³ См. K. Pichlík. Cesta k svobodě. «Literární listy», №№ 1—8. 29.II—18.IV.1968.

⁵⁴ M. Machovec. Tomáš G. Masaryk. Praha. 1968, S. 166—173.

⁵⁵ См. «Miesięcznik literacki», № 6 (22), VI.1968, S. 79—80; J. Żarnowski. PPS po latach z dystancu. «Polityka», № 45(558), 11.XI.1967.

становления независимости новых государств рабочий класс не принимал серьезных попыток вырвать у буржуазии роль гегемона в национально-освободительном движении. В результате провозглашение независимости и установление государственности в названных странах проходило под знаком «национального единства» и доминирующей роли буржуазии. Революционный авангард пролетариата, более или менее правильно оценивавший действия отечественной буржуазии, был плохо организован, располагал поддержкой лишь меньшинства рабочего класса, был изолирован от крестьянства и городских средних слоев.

Полные иллюзий, народные массы ставших независимыми стран надеялись на быстрые и существенные социальные преобразования, на безбедное, свободное, демократическое развитие. Они не понимали того, что классы и партии, пришедшие к власти в молодых государствах, стремились не к удовлетворению революционно-освободительных стремлений своих народов, а к ограничению их борьбы за социальный и национальный прогресс. Поэтому то, что в отдельных случаях пытаются представить как победу политической программы Масарика в Чехословакии, программы Пашича в Югославии, концепции ППС в Польше и т. д., в действительности было проявлением исторической ограниченности соответствующих социальных и политических сил и явилось источником новых острых социальных и межнациональных конфликтов и национальных катастроф, ожидавших народы стран, обретших в 1917—1918 гг. национальную свободу, но не освободившихся от господства эксплуататорских классов.

Чрезвычайно сложное сплетение внешних и внутренних обстоятельств, связанных с созданием новых государств в Европе в 1917—1918 гг., изменения в позициях различных правительств, партий, классов, последовавшие после Октябрьской революции, нагромождение различных исторических мифов и легенд, связанных с ролью отдельных лиц, организаций, империалистических блоков и империалистических стран в образовании этих государств, все еще делают актуальной и политически чрезвычайно острой борьбу вокруг вопросов, связанных с установлением независимости Финляндии, Чехословакии, Польши, Венгрии, Югославии. В этой борьбе сложилась единственно научная, марксистско-ленинская концепция, взаимосвязывающая решающую международную роль Великой Октябрьской социалистической революции с революционно-освободительной борьбой угнетенных народов. Дальнейшее развитие этой концепции, раскрытие особенностей ее проявления в ходе становления независимости отдельных стран продолжают оставаться весьма важной задачей исторической науки. Острота современной идеологической борьбы придала особое значение этой задаче, которую успешно решает марксистско-ленинская историография. В сознании широких народных масс всего мира сложилось и окрепло твердое убеждение, что без победы Великой Октябрьской социалистической революции были бы невозможны независимость Финляндии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии, последующий всемирно-исторический прогресс всего человечества, его движение вперед к социализму и коммунизму.